

Как и во всякой деревне, в Ецзя базарный день был событием. Взрослые уезжали в город, а дети оставались ждать их у въезда в деревню, играя в пыли. Сяо Шань с братьями пришел пораньше. Когда солнце начало клониться к закату, в конце дороги показалась толпа людей. Дети с радостными криками бросились им навстречу.

— Брат! Да-гэ! — Сяо Шань бежал впереди всех, размахивая руками.

Цзюньшу сразу узнал своих «маленьких редисок» и ускорил шаг.

— Потише! Не бегите так! — крикнул он, видя, как близнецы смешно перебирают короткими ножками. Сердце у него замирало — вдруг споткнутся?

— Брат! Брат вернулся!

Малыши облепили его, обнимая и ластясь. Вся усталость Цзюньшу мгновенно испарилась. Он по очереди расцеловал каждого в макушку и ласково сказал:

— Ну всё, всё, мои хорошие. Пойдемте скорее домой, там и поговорим.

Все устали за этот долгий день, но впереди был семейный ужин и разбор подарков.

Сельчане разбирали свои узлы и тюки, зычно призывая детей идти по домам. Покупок у Е Цзюньшу было в избытке: тяжести он взвалил на себя, а малышам раздал то, что полегче.

— Чжоу-цзы, может, подвезти тебя до ворот? — предложил дядя Ню.

— Спасибо, дядя Ню, но вы и так весь день за повозкой, небось, спина не разгибается. Мы тут рядом, сами донесем, не стоит беспокоиться, — с улыбкой отказался Цзюньшу.

Он толково распределил груз: мясо и муку нес сам, рулон ткани доверил Сяо Шаню, а всякие мелочи разобрали остальные. Целая процессия с узлами и мешками бодро зашагала к дому.

Первым делом Е Цзюньшу достал танхулу.

Крупные ягоды, покрытые толстым слоем алого глянцевого сахара, выглядели настолько соблазнительно, что дети не могли отвести глаз. Они послушно выстроились в ряд, ожидая своей порции. На каждой палочке было по пять ягод. Цзюньшу снял их, обломал острые концы бамбуковых шпажек, чтобы дети не поранились (остатки сразу отправились в печь), и раздал каждому по две штуки. Так и полакомятся, и зубы не испортят — всё было рассчитано.

Соскучившись по старшему брату за день, малыши превратились в пять верных «хвостиков». Куда Цзюньшу — туда и они. Они не шумели, а просто рядком уселись на скамью, сосредоточенно облизывая сладкую глазурь и не сводя обожающих глаз с брата.

Пока Цзюньшу разбирали покупки и собирался снять с веревок во дворе высохшее белье, зашел амо Мин.

С тех пор как Сяо Чжи пошел учиться, амо будто помолодел на десять лет: весь так и сиял

гордостью, походка стала уверенной. Радостно поздоровавшись с детьми, он повернулся к Цзюньшу:

— Ну как, удачно съездил?

Юноша с улыбкой кивнул.

Через пару дней после отъезда Яоляна Цзюньшу свозил Сяо Чжи к учителю Циню. Тот устроил мальчику проверку и решил, что Сяо Чжи — материал стоящий. Пусть у него не было такого блестящего таланта, как у Е Цзюньшу, но ум он имел живой и ясный, так что учитель принял его в официальные ученики.

Хотя плату за обучение с них не брали, бумага, кисти и тушь требовали немалых расходов. Амо Мин даже обсуждал с дядей Хуа вопрос о разделе имущества. Учеба — дело дорогое, бездонная бочка, и амо не хотел тянуть жилы из семьи старшего сына, у которого была молодая жена и скоро должен был появиться первенец. Он предложил старшему жить своим домом, а расходы на младшего старики возьмут на себя. Но Е Цзюньши сразу пресек эти разговоры.

Он заявил твердо: они — одна семья, и радости, и беды делят поровну. Сяо Чжи — его родной брат, и раз выпал такой редкий шанс, он, как старший, расшибется в лепешку, но выучит его. Жена его полностью поддержал: не дело бросать деверя в трудную минуту, что они за люди тогда будут!

Амо Мин был тронут до слез такой братской преданностью. Раз дети живут душа в душу, зачем им делиться? Свои же все. Глядишь, выйдет из младшего ученый человек — всему роду слава! Так что последние дни семья амо Мина ходила по деревне, расправив плечи.

В деревне, конечно, всю судачили. Многие догадывались, что тут не обошлось без протекции Е Цзюньшу, но семья амо Мина держала язык за зубами: мол, сами пошли просить, а учитель, увидев, какой Сяо Чжи смывленный, сжалился и взял. Цзюньшу тоже лишнего не болтал, так что вскоре пересуды стихли, сменившись тихим шепотком по углам.

Сегодня амо Мин в город не ездил — он только вернулся от своих родителей, которых навещал из-за болезни. Цзюньшу расспросил о здоровье стариков, а затем показал купленные ткани.

Амо придиричиво ощупал полотно, узнал цену и удовлетворенно кивнул:

— Хорошая ткань, стоит своих денег. — Но тут же добавил: — Только набрал ты лишку, моему.

Цзюньшу лишь загадочно улыбнулся.

— Ткани этой хватит вам всем по две смены справить, — рассуждал амо. — Но ты, Чжоу-цзы, сейчас растешь не по дням, а по часам, так что тебе сошьем одну новую, а старые попробуем перешить. Остальное пойдет братьям на вырост.

Цзюньшу не возражал: ему было всё равно, лишь бы одежда была целой. Но он очень хотел справить обновки всем младшим, за что и получил нагоняй от амо. Мол, дети могут донашивать друг за другом, мал еще младший, чтобы в новом щеголять. Не в праздник ведь, к чему такое расточительство? Коротко стало — надставим, делов-то.

Сам Цзюньшу нуждался в обновках не только из-за роста: он много работал, часто бегал в лес, и одежда быстро превращалась в решето. Латок становилось столько, что ткань уже не

держала нитку. Ему было обидно за братьев, но он понимал: если все дети в доме вдруг оденутся в новое, это привлечет ненужное внимание всей деревни. Глядя на чистеньких и опрятных братьев, у которых на одежде было не так уж много заплат по сравнению с другими деревенскими, он смирился. Решил только про себя, что на Новый год уж точно не поскупится.

— Ткань я заберу к себе. Сначала сошью тебе одну рубаху, а там и за остальное возьмусь.

Дети в доме Е были еще малы, Лу-гэру едва исполнилось восемь. Хоть он и учился шить, доверить ему дорогой отрез амо Мин не мог — вдруг испортит. Цзюньшу, зная честность амо, спокойно отдал покупку.

— Ах да, я ведь еще кое-что хотел сказать, — амо Мин хлопнул себя по лбу. — Помнишь ту семью, про которую я тебе говорил? На днях весточка пришла — хозяйка-то затяжелела!

— А? — Цзюньшу на мгновение растерялся. Какая семья? Зачем ему знать, кто там ждет прибавления?

— Да те самые, что хотели У-ва и Лю-ва на воспитание взять! — подсказал амо. — Больше десяти лет детей не было, и вот на тебе — на старости лет сподобились!

Тут до Цзюньшу дошло. Он вспомнил тот день, когда его сознание только слилось с памятью этого тела. Голова тогда раскалывалась, а сельчане наперебой советовали ему отдать близнецов в ту богатую, но бездетную семью.

«Теперь у них свой будет?» — Цзюньшу невольно покосился на Лу-гэра.

Мальчик, опустив голову, сосредоточенно обгрызал ледяную глазурь с ягоды, будто и не слышал, о чем они говорят.

— Какое счастье, Чжоу-цзы, что ты тогда не согласился! — амо Мин с явным облегчением прижал ладонь к груди. — Иначе У-ва и Лю-ва хлебнули бы горя. Приемыш — он и есть приемыш, никогда не станет ровней тому, кто из своего чрева вышел. Тем более прожили бы они там всего ничего, привязаться к ним толком не успели бы.

Е Цзюньшу на мгновение замер, а затем так же искренне отозвался:

— Ваша правда. Слава богу, что всё сложилось именно так.

Если бы не его твердое нежелание расставаться с братьями, или приди он в себя на шаг позже — детей могли бы отдать. Пока в той семье не было своих, близнецы, возможно, жили бы в достатке, но с появлением родного ребенка их жизнь превратилась бы в каторгу. Хорошо, если бы их согласились вернуть, а ну как хозяйка из гордости или страха перед людской молвой вцепились бы в них мертвой хваткой, заставляя страдать втайне от всех?

— Пусть рядом со мной порой и трудно, зато они на моих глазах. Если их обидят, если они заплачут, проголодаются или ушибутся — я сразу об этом узнаю. Это всяко лучше, чем если бы они мучились там, где я не могу им помочь...

— Ох, и бес же меня тогда попутал, — сокрушался амо Мин. — Наслушался чужих советов и ведь вправду поверил, что отдать детей в чужие руки будет благом. Не перечь ты мне тогда, я бы... я бы в глаза не смог смотреть твоим покойным родителям, да и вам тоже.

Амо Мин перевел взгляд на близнецов, послушно сидевших на маленьких скамеечках. Стоило ему представить, что У-ва и Лю-ва могли подвергаться побоям или унижениям, как сердце его сжалось от острой боли. Ему захотелось дать самому себе пару крепких затрещин за тот «дельный» совет трехлетней давности.

А близнецы — чистенькие, румяные и славные карапузы — сидели всего в метре от Е Цзюньшу. Пухлыми ручонками они сжимали палочки, увлеченно слизывая сладкие крупинки сахара с ягод. На их округлых щечках уже красовались липкие красные пятнышки от глазури.

Заметив, что амо Мин пристально смотрит на него, Лю-ва склонил голову набок. В его черных, как виноградины, глазках промелькнуло явное сомнение, но затем он протянул свою маленькую ладошку и нежно пролепетал:

— Амо Мин, кусай!

От этого нежного детского голоска можно было растаять на месте. Сердце амо Мина сладко екнуло, а лицо расплылось в улыбке, став похожим на раскрывшуюся хризантему.

— Какой Лю-ва умница! Кушай сам, маленький. Амо Мин уже сыт!

Увидев, что гость отказывается, Лю-ва одарил его мягкой улыбкой и принялся дальше, точь-в-точь как крохотный бурундук, по кусочку грызть лакомство. Е Цзюньшу лишь довольно усмехнулся. Когда дети растут такими понятливыми и добрыми, как он, их старший, может ими не гордиться?

<http://bllate.org/book/15226/1354177>